

в его адрес и в адрес секулярной культуры вообще – вещь бесплодная. Гораздо более плодотворно продолжение линии, направленной на герменевтическое освоение его наследия, берущее на вооружение его реальные достижения в области методологии, использующее их в целях философского самопознания и обнаруживающее в самом его атеизме основания для его преодоления. Именно такой подход, как представляется, способен открыть дорогу к вере для людей наиболее честных и чутких в интеллектуальном искании истины.

К.М. Антонов

Фудель С.И. Собрание сочинений в 3-х томах. Т. 3. М.: Русский путь, 2005. 456 с.

Имя Сергея Иосифовича Фуделя, его исповеднический жизненный путь, его богословские труды хорошо известны и уже становятся предметом изучения. Еще при жизни его мнение пользовалось заслуженным авторитетом и среди специалистов богословов, и вообще среди образованных православных людей. В третьем томе собрания сочинений собраны его труды по истории русской мысли: «Наследство Достоевского», «Славянофильство и Церковь», «Оптинское издание аскетической литературы и семейство Киреевских», «Начало познания Церкви» (об отце Павле Флоренском).

Жизнь Фуделя отделена от наших дней всего несколькими десятками лет. Еще живы люди, которые могут называться его «младшими современниками». И однако, читая его историко-философские труды, мы видим, что они написаны в совершенно другую эпоху. Прежде всего, они отличаются от писаний современных историков своим тоном и направленностью.

Фуделю некогда вдаваться в подробности. Ему некогда писать о вещах, не стоящих внимания. Ему некогда писать о дурном. «В условиях точно фронтовой жизни современности книги носить с собой невозможно». Поэтому писать надо только о том, что вмещается в сердце. А в сердце вмещается «только действительно нужное» (с. 7). Поразительно, но из этого постулата для Фуделя не следует отказ от культуры, хотя его отношение к культуре может быть названо аскетичным. История мысли для него – не способ сведения счетов, не орудие самоутверждения. Различение нужного и не нужного, хорошего и дурного, православного и еретического произведено до того, как писатель садится за письменный стол. И поэтому все дурное отсеивается, а остается только «единое на потребу». И поэтому тон всегда

предельно доброжелателен, и поэтому исследования Фуделя имеют значение не только историческое, но и духовное.

Когда-то, еще в начале своего творческого пути, С.Н. Булгаков написал статью «Что дает современному сознанию философия Вл. Соловьева?» Именно на этот вопрос отвечают и работы Фуделя: что дает современному христианскому сознанию мысль Ф.М. Достоевского, идеи славянофилов, философия о. П. Флоренского? Почему люди читают эти книги в настоящее время, и почему их следует читать?

«Достоевский точно ударами в сердце напоминает о Христе» (с. 152). Славянофилы «сделали очень много для выяснения природы Церкви» (с. 179). Так же и Флоренский, по мнению Фуделя, «успел за свою короткую среди нас жизнь сделать какой-то шаг в развитии учения о Церкви, хотя именно эту сторону его деятельности как раз не заметили его критики...» (с. 294). В то же время Флоренский (как и Достоевский, и славянофилы) «зовет к работе Господней», которая есть прежде всего работа над самим собой» (с. 342).

В своих работах Фудель реализует ряд существенных методологических принципов, сказать о которых необходимо, в силу их, на мой взгляд, высокой потенциальной продуктивности. Эти принципы он нигде не формулирует явно, однако последовательность их применения позволяет, мне кажется, говорить о сознательной реализации определенной научно-исследовательской программы.

Прежде всего, он любит свой предмет в том смысле, что видит его значительную положительную ценность. Как уже говорилось, писать о том, что не имеет такой ценности, он считает делом праздным. Его пером движет интуитивное переживание этой ценности, задающее определенную перспективу рассмотрения творчества того или иного текста, автора или направления мысли, и определяющее тем самым подбор цитат, ссылок, сравнений, набор оценок и т.д. В этом можно видеть реализацию на практике конкретного гуманитарного исследования той интуитивистской методологии, общие философские основы которой были заложены в начале XX в. Н.О. Лосским и С.Л. Франком.

В результате Фуделю становятся ясны мотивы и движущие силы, направлявшие творчество тех, кого он изучает. Не упуская из виду ни их, ни своей исторической ситуации, он становится способен увидеть в них нечто сверхвременное, сохраняющее свою силу и актуальность для любого момента. В силу этого при рассмотрении полемики и критики он почти всегда оказывается на стороне своего героя, ухитряясь при этом соблюдать необходимую объективность и беспристрастность: его суждения в этих случаях всегда обоснованы текстуально. Так происходит, например, при описании полемики Ф.М. Достоевского и

К.Н. Леонтьева (с. 117-119), где правота Достоевского подтверждается убедительным набором святоотеческих цитат.

Наоборот, о недостатках своих героев Фудель говорит мало и неохотно, возможно, даже слишком мало. Делает он это как бы по обязанности подчиниться принципу объективности, и видно, что это не доставляет ему удовольствия: «Всякий человек должен оцениваться не по ошибкам и грехам, а по какому-то своему духовному итогу» (с. 369). Так, присоединяясь к суждению Леонтьева о чрезмерном оптимизме Пушкинской речи, он тут же находит этому увлечению оправдывающее психологическое и историческое объяснение, и в итоге: «Но, кажется, даже ошибки Достоевского более помогают иногда, чем идейная правота других» (с. 88)¹. И признавая, разумеется, известную ограниченность христианского сознания своих героев, С.И. Фудель, как правило, тут же вновь заговаривает о наиболее сильных и значительных именно с христианской точки зрения сторонах их творчества.

Эти наиболее ценные и значительные стороны мысли Достоевского, славянофилов, Флоренского автор выявляет, погружая их в релевантный им контекст христианской традиции. Особенно удачно это сделано в работе о Достоевском, где тщательно анализируется связь конкретных образов, мыслей и выражений писателя с творениями Св. Тихона Задонского, жизнеописаниями подвижников XIX в. (в частности, указывается на связь образа старца Зосимы и жизнеописания оптинского старца преп. Леонида (Льва)), весьма популярной в XIX в. и в народе, и среди интеллигенции книге инока Парфения². Обильный святоотеческий материал (превосходным знатоком которого был Фудель) привлекается и при разборе полемики Достоевского и Леонтьева. Аналогично поступает автор и со славянофилами, и с о. П. Флоренским, стремясь через анализ и сопоставление конкретных текстов выявить действительную степень их связи со святоотеческой мыслью. В результате перед читателем, который привык видеть в этих мыслителях довольно далеких от реальной церковной жизни интеллигентов, чье христианство было в значительной мере надуманным и потому искаженным, предстает совершенно иная картина: серьезный молитвенный настрой, глубокое и, главное, жизненное знание творений Св. Отцов, стремление к созиданию «монастыря в миру» (с. 191-192) оказываются характерными чертами их внутренней жизни и мысли.

¹ И здесь, кстати, Фудель почти дословно цитирует статью самого Леонтьева (который прежде всего подразумевается здесь под «другими») «Анализ стиль и веяние (по поводу романов Л.Н. Толстого)».

² Выходные данные книги: Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле постриженника Святыя горы Афонския инока Парфения. М., 1856. Ч. 1-4.

Этот замысел «монастыря в миру» не предполагает для них, как и для самого Фуделя, отказа от культуры, равнодушия к ней, и тем более презрения. Он сочувственно воспроизводит приводимые Флоренским слова архим. Феодора (Бухарева), одним из первых в XIX в. поставившего проблему «Церковь и культура»: «Мне, человеку православному, надо... объединить и возглавить в одном Христе все дело моей мысли, все способы и образы познания, все знакомство с современным знанием, изучение всех современных наук...» (с. 314).

И Фудель не хочет отдать творчество Достоевского, славянофилов, Флоренского врагам Церкви, но хочет понять подлинное место их творчества в структуре церковной традиции.

Указание для этого он находит в том месте из «Предисловия» к «Столпу», где Флоренский говорит, что работа его имеет значение «как бы огласительных слов во дворе церковном»³. Фудель, однако, предлагает углубить и по-новому услышать это понятие оглашения, или катехизации. «Не подходим ли мы всю жизнь к непорочным стенам Церкви?... Думаю, что у многих превратное представление о своем нахождении внутри Церкви...» (с. 315). Таким же катехизатором Фудель считает и Достоевского (с. 98). Твердая пища: «Слово Божие и слова Отцов, писавших в озарении Духа», — доступны по Фуделю, немногим. В этом смысле служение катехизатора в Церкви сливается для него со служением дидаскала, учителя. Направлено это служение двояко: оно проповедует миру Христа и в тоже время преодолевает внутреннее обмирщение в самом сообществе церковном.

Работы С.И. Фуделя написаны, как уже было сказано, в совершенно иную эпоху жизни нашей Церкви, чем та, которую мы переживаем сегодня. Но поставленные им вопросы и найденные им подходы к их разрешению по-прежнему сохраняют свою актуальность, поскольку равно проистекают из пережитого им.

К.М. Антонов

Сербиненко В.В.: Русская философия: Курс лекций / Учеб. пособие. М.: РГГУ; Омега-Л, 2005. 464 с.

Верность Логосу

Не открою секрета, сказав, что книга эта давно ожидалась как коллегами по цеху, так и студентами, для которых она в качестве учебного пособия в первую очередь и предназначена. Читатели ранее опубликованных работ В.В. Сербиненко согласятся, что в лице автора мы встречаемся с одним из лучших знатоков русской философской мысли и культуры.

³ Флоренский П.А., *свящ.* Столп и утверждение истины. М., 1990. Т. 1. Ч. 1. С. 5.